

Правила игры в *восковых человечков*, или в *свечечки*, или в *живых (и неживых)*

1. Восковой догоняет живых.
2. Тот, кого запятнал восковой, догоняет живых.
3. Восковым запрещено говорить. Они могут только свистеть.
4. Игра кончается, когда последний из живых говорит «Аримо».
5. Если последний из живых не говорит «Аримо», игра не кончается *никогда*.

Аримо

Пьетро Джербер умер в первый понедельник июля, жарким летним утром, около половины одиннадцатого.

Однако в конечном итоге это событие стало всего лишь эпизодом в его жизни. Со временем оно потеряло весомость и свелось к курьезному случаю, хранимому в памяти вместе со множеством других. Было бы даже неверно называть его «воспоминанием», поскольку об этом моменте Пьетро Джербер помнил очень мало.

Только детали, предшествовавшие роковому событию.

Лиловая комната на втором этаже виллы в Порто-Эрколе. Запах лаванды. Застеленная постель. Окно, распахнутое в сад, и кружевные занавески, словно призраки, летящие по синему небу. Жалобный визг старых теннисных тапок на керамических плитках, пока он бежит бегом, торопясь укрыться на балконе от орды ровесников, твердо решивших запятнать его и закончить игру. Пот струится из-под кромки волос на разгоряченные щеки. Соленые капли затекают в рот. Невольная улыбка озаряет лицо, когда он обращивается посмотреть, далеко ли преследователи.

Шортики. Выцветшая футболка с Пикачу. Ссадины на коленках от слишком частых падений с велосипеда. Бронзовый загар. Запах розмарина, разлитый в воздухе лета.

Его беззаботные одиннадцать лет, три месяца, шестнадцать дней, десять часов двадцать девять минут и горстка секунд.

Руки протянуты к чугунной ограде, которая, по его разумению, выполнит свою задачу и остановит бег. Решетка вроде бы отвечает своему назначению, когда Пьетро обрушивается на нее всей тяжестью, но потом вдруг изгибается, будто резиновая. И в довершение абсурда восстает против неподвижности, на которую была десятилетиями обречена, отрывается от стены старого дома и начинает путь в неизвестность, словно чувствует себя в силах преодолеть земное притяжение и взлететь. Обломок металла всем своим весом влечет его в бездну, ведь он так крепко вцепился в прутья. Счастливая улыбка меркнет, пока они вместе летят в пустоту. Глаза наполняются ужасом, когда стремительно приближается белый гравий садовой дорожки. Удар: ты ожидаешь услышать оглушительный взрыв, но раздается глухой и четкий звук, с которым разбивается тело, а потом наступает тьма.

Однако, ежели вернуться вспять, тот летний день 1997 года начался для юного Пьетро наилучшим образом.

Кузен Маурицио приехал к морю, чтобы побыть с ним, его отцом и домоправительницей Аделе, которая вела хозяйство. Пьетро остался без матери, еще не достигнув двухлетнего возраста, и отец так и не

женился снова. Он был единственным ребенком в семье, поэтому Маурицио, которого все домашние называли Ишио, мог сойти за брата, хотя на самом деле они были ровесниками.

В тот год, вскоре после того, как закончились занятия в школе, дядя с тетей отправили кузена в Порто-Эрколе на все лето. Услышав об этом от отца, Пьетро был от радости сам не свой: два месяца с Ишио, с июля по сентябрь. Просто не верится — как будет здорово иметь его в ватаге.

Среди скопления загородных домов, расположенных на высокой части мыса, с видом на городок и на море, ватаги детишек сменяли друг друга от поколения к поколению. Замена одной группы на другую происходила на пороге отрочества, когда терялся интерес к детским забавам, и старшие ребята предпочитали ходить на пляж или кучковаться на площади, якобы чтобы поесть мороженого в баре «Рома»; по вечерам они толклись у казино «Кингз», а потом шли на танцы в «Стреге».

Ишио присоединился к небольшой компании ровесников, которая с начала девяностых во время летних каникул держала весь район под контролем. Кроме Пьетро и его кузена, в нее входили еще шестеро ребят, приезжавших из различных областей Тосканы.

Поскольку почти всем было по одиннадцать лет, над ними витало грустное предчувствие, что это лето 1997 года станет, возможно, одним из последних, если не последним летом детства. По этой причине все они с самого начала будто сговорились прожить его на полную катушку, насладиться всеми возможностями, какие предоставляет статус ребенка, поз-

волить себе свободу, какой впредь никогда больше не смогут пользоваться. В сентябре они, как всегда, распрощаются и вернутся в свои города, пообещав друг другу в июле свидеться снова. Но, вернувшись в Порто-Эрколе, прежние товарищи по играм станут друг другу чужими. Дружба-то, наверное, и пройдет испытание временем, но одна только мысль о некоторых забавах заставит стогать от стыда.

Но в то лето можно было расслабиться и бесноваться по-прежнему.

В ватаге была единственная девочка, Дебора из Сиены, хотя на ее пол никто не обращал особого внимания. Вот на следующее лето, когда эта самая Дебора расцветет, у мальчиков появится чувство неловкости и какие-то смутные желания неожиданно охватят их.

Этторе приезжал из Фьезоле и вечно спускался на велике по крутым склонам, в самый последний момент тормозя ногами.

Карлетто меньше всех бывал в компании, поскольку мать заставляла его подолгу заниматься даже в летние каникулы. Остаток года он жил в Гроссето, носил очки и постоянно умудрялся калечить себя.

Джованни из Эмполи, по прозвищу Джованноне, «большой Джованни», был постоянно голодным, носил тот же размер, что и его шестнадцатилетний брат, и классно нырял «солдатиком».

Данте приезжал из Лукки и обожал все ломать. Говорил, что хочет посмотреть, как вещи устроены изнутри.

Еще был Пьетро Дзанусси, которого, как тезку Пьетро Джербера, всегда звали по имени и фамилии.

Он, тринадцатилетний, был ветераном компании. Из-за надвигающихся гормональных метаморфоз он еще с прошлого лета постепенно отдалялся от ватаги и начинал дружить со старшими мальчиками. Летом 1997 года его место занял братишка, хотя тому едва исполнилось пять лет.

Дзено Дзанусси вошел в компанию не по праву наследства и не потому, что был очень уж развит для своих лет: так решила Дебора, взявшая малыша под свою защиту.

Дзено был ярым болельщиком «Фьорентины» и, если не считать тех случаев, когда мать отправляла ее в стирку, носил, не снимая, фиолетовую футболку с номером 9, номером его идола, Габриэля Батистуты, поэтому и получил прозвище Батигол.

Во время каникул в Арджентарио с детьми творились чудеса: они забывали о телевизоре, видеоиграх и прочих занятиях, какими заполняли вечера у себя в городских квартирах, и предавались тем же забавам, что и их родители в пору своего детства.

Пьетро, Ишио и вся маленькая ватага друзей в Порто-Эрколе проводила время, от рассвета до заката ныряя с утесов Треугольника, гоняя на велосипедах по крутым тропкам, бросаясь друг в друга водяными бомбами, ловя крабов, играя в футбол на пляже под палящим солнцем.

Но одна игра никогда не входила в число, если так можно выразиться, общепризнанных, хотя в нее играли чаще всего. Ею заполняли промежутки между одним и другим развлечением, в ожидании, пока кому-нибудь не придет в голову мысль оторваться

как-нибудь еще, которая устроит всех остальных. Она подразумевала скрытую цель: не дать скуке просочиться в этот мертвый отрезок времени.

Скука — главный враг детей в летние каникулы.

Томительно ожидаешь, когда от мимолетной тучки небо помрачнеет хотя бы на миг, или ржавый гвоздь продырявит велосипедную шину, или морские волны унесут слишком лихо отбитый мяч.

Дети в Порто-Эрколе во все времена знали, что самым действенным способом отогнать скуку была *игра в восковых человечков*, или попросту *в свечечки*, или *в живых и неживых*.

Речь шла о тосканской версии забавы, распространенной во всех уголках планеты. Нечто среднее между пятнашками и прятками. Водящий — первый из восковых человечков — должен был отыскать других — живых — и превратить их в свечечки, попросту запятнав. Тем злополучным, кому не удавалось избежать роковой судьбы, предстояло включиться в охоту. Им было запрещено говорить, то есть указывать друг другу, где спрячутся те, кого еще предстоит запятнать.

Свечечки могли только пересвистываться.

Того, кто нарушал правила, через три дня ожидала взаправдашняя жестокая смерть. И хотя никто из ребят не верил в это по-настоящему, все остерегались это правило нарушать.

Среди детей в Порто-Эрколе до сих пор ходила легенда о мальчике из Пизы, который не смог закончить игру, поскольку то был последний день каникул; он вернулся в город, неся на себе проклятие, и с тех

пор, чтобы не умереть в мучениях, изъяснялся только свистками.

Теоретически побеждал последний оставшийся в живых. Но просто запятнать его было недостаточно, он должен был произнести определенное слово, чтобы избавить восковых от обета молчания.

Аримо.

Тайный пароль, дававший огромную власть: уничтожить противников и посмеяться над ними.

Никто не знал, откуда взялось это слово и что оно на самом деле значит. Возможно, пароль искажался с течением времени, переходя из уст в уста, из поколения в поколение, пока не утратил правильное произношение и первоначальный смысл. Но детей не интересовало, что это слово значит. Они знали одно: если произнести его, всякой вражде конец. И если последний оставшийся в живых отказывался говорить «Аримо», приятели брали его в тиски и щекотали до тех пор, пока он не сдавался.

Как часто случалось и раньше, в первый понедельник июля, день, когда умер Пьетро, никто не предложил играть в восковых человечков. Этого и не требовалось. Кто-то кого-то неожиданно запятнает — и начинается беготня. Может быть, первым был Ишио. Все случилось перед виллой Джерберов, на площадке, которая выходила на поросший лесом холм.

Пьетро был рад, что Ишио наконец-то приехал к нему на море. Дядя с тетей, однако, сказали, что кузен немного грустит, потому что весной умер его пу-делек.

Так что перед Пьетро стояла задача: заставить друга забыть о Сатурно.

Неделя за неделей они могут вместе делать массу вещей. Некоторые летние привычки завелись у них с самого раннего детства. Например, до позднего вечера читать комиксы под простынями, подсвечивая себе фонариком, или ловить на чердаке пауков и подкладывать их в ящики бедняжке Аделе. Тем утром отец Пьетро обещал надуть резиновую лодку и сплавить на Лебединый остров, прихватив полдник в виде хлеба, колбасы и ледяной кока-колы.

Так, заполняя пустоту перед отплытием, они с Ишио встретились с друзьями, которые пришли поприветствовать вновь прибывшего.

На самом деле Пьетро не слишком-то хотелось играть в свечечки. Может быть, его томило предчувствие, а может, одолевала лень. Но день был такой ясный и солнечный, что он не устоял.

В такой день никому не придет в голову, что он умрет. Особенно мальчишке.

Сегодня я хочу последним остаться в живых, сказал себе Пьетро, когда началась беготня. Хочу завладеть «Аримо», а они пусть гоняются за мной, пока не собьется дыхание и не заноят икры. И приложил все силы, чтобы убежать от восковых человечков, которых становилось все больше.

Сад при вилле в Порто-Эрколе как нельзя лучше подходил для игры в свечечки: за живыми изгородями и в зарослях кустов можно было легко укрыться. На самом деле место подходило только для этой игры — его непроходимые дебри пользовались ужасной славой: они забирали себе любой мяч, мячик или

мячище и никогда не возвращали добычу законному владельцу. Дети, часто приходящие домой с пустыми руками, нарекли его садом оставленных надежд.

Так или иначе, юный Пьетро в тот день чувствовал, что победа у него в руках.

Он прятался там и сям, но его замечали, и снова приходилось бежать. Пару раз его чуть не коснулись пальцы, которые в азарте игры действительно показались скользкими восковыми отростками. Но возможно, это ощущение вызвал ветерок, овевавший его на бегу, ведь никто не объявил, что Пьетро запятнан. В какой-то момент, спрятавшись под каменной скамьей в беседке, Пьетро понял, что он один остался в живых, поскольку никто из ребят больше не говорил: в саду оставленных надежд воцарилась зловеющая тишина, только пересвистывались свечечки.

Знали, что остался только он, и искали его.

Тогда Пьетро взглянул на дом и обнаружил, что дверь, ведущая в кухню, всего лишь притворена. До того дня никто не решался покинуть сад, свечечки не забегали в дом и не устраивали там кавардак. Но может быть, настал момент нарушить неписаное правило. Такого хода точно никто не ожидает, сказал он себе.

Хочу, чтобы они гнались за мной до второго этажа. Хочу видеть, как они толкуются на крутой лестнице, хватаясь за перила: рты разинуты, глаза вылезают из орбит. Хочу, чтобы рухнули на ступеньки, хрипя от натуги.

Решил и сделал: выскочил из последнего укрытия и заорал, объявляя о себе. С криком понесся к дому. Свечечки повыскакивали отовсюду, рыча, как голод-

ные звери, с дьявольским огнем в глазах. Вначале, как и предполагалось, они были застигнуты врасплох. Но потом, тесно сбившись в кучу, бросились в погоню.

Пьетро быстро проскользнул в кухонную дверь, наткнулся на Аделе — та от неожиданности сперва завизжала, а потом, забыв о хороших манерах, обругала его на чистом тосканском. Пьетро извинился, но останавливаться было нельзя. Лестница выросла прямо перед ним. Он перепрыгивал через две ступеньки, а в груди зарождалось чувство, известное только детям: жуть, смешанная с ликованием. Когда он обернулся в первый раз, перед ним предстала та самая сцена, которую он и воображал: преследователи, запыхавшись, карабкались следом.

Но Ишио, в тот момент возглавлявший неживых, не собирался отступать.

Пьетро не продумал, что станет делать, поднявшись наверх. Первоначальный замысел предполагал, что враги остановятся на лестнице. Теперь нужно было найти какой-то другой выход.

Так он заметил открытое окно в лиловой комнате, которую когда-то занимала мать.

Пьетро нечасто заходил туда. Хотя он не сохранил воспоминаний о матери, поскольку та умерла до того, как его детский ум был в состоянии их закрепить, было в этой спальне что-то для него священное. Например, на этажерке красовалась целая коллекция женских духов. Разноцветные флакончики изящных очертаний стояли тесным строем, в каком-то неведомом порядке. Иногда, тайком от отца, Пьетро пробирался в лиловую комнату и нюхал ту или иную

эссенцию. С годами многие духи испарились или выдохлись, и в стеклянных флаконах осталась лишь капелька мутной, уже инертной жидкости. И все же Пьетро упорно искал подобие, остаточный след аромата в надежде вызвать в памяти хоть обрывок воспоминания о женщине, подарившей ему жизнь. Сейчас, в завершение игры в свечечки устремившись к балкону и пробегая мимо этажерки, он заметил, что солнце, проникая через хрустальные флакончики как через маленькие призмы, расцветивает стены яркими пятнами.

Вид этого тайного чуда вызвал на миг чувство умиротворения.

Но Пьетро почти сразу забыл о нем, поскольку стремился к окну. Выскочив на балкон, он во все горло завопит: «Аримо», чтобы избежать пленения и пытки щекоткой. Этот вопль освободит восковых человечков, да и его тоже.

Но всему помешало столкновение с хрупкой чугунной решеткой. Он не почувствовал, что падает. Просто мир внезапно перестал его удерживать, все материальные предметы быстро удалялись, оставались за спиной, бросали на произвол обнимающей его пустоты.

Тихо и темно.

Когда он снова открыл глаза, было трудно дышать. Будто кто-то силой затолкал ему в горло горсть перегноя. В слепящем солнечном свете он узнал лица свечечек, которые его окружали. Ребята склонились над ним, опершись о коленки: разглядывали, как

жабу, попавшую под автомобиль и распластанную по асфальту, но не решались подойти ближе и, главное, заговорить. Это молчание привело его в ужас.

— Аримо, — тоненько пропищал Пьетро, просто чтобы услышать их голоса.

Мальчики с облегчением разулыбались, и тогда он понял, что еще жив. Потом сдвинул голову ровно настолько, чтобы увидеть отца, который стоял на коленях рядом с ним, на гравии. Бледный от страха, он тяжело дышал, будто пробежал десять километров без остановки, и весь взмок. Его скрещенные ладони все еще давили Пьетро на грудь, ритмично и безостановочно, словно поршень.

Заметив, что сын пришел в себя, он остановился. Выбился из сил.

Что стряслось? Пьетро с трудом припомнил падение. Потом волна боли захлестнула его, тело будто рассыпалось на куски. Во рту ощущался металлический привкус крови, голову точно сдавило железным обручем, и Пьетро не мог пошевелить правой ногой.

Но теплый летний воздух снова наполнил его легкие.

Хотя взрослые — и в семье, и по соседству — говорили об инциденте как о чем-то, его касающемся, Пьетро всегда казалось, будто их речи относятся к кому-то другому. Он не мог вообразить собственную смерть, может быть, потому, что был еще ребенком.

Его сердце остановилось где-то на полминуты.

Но рядом с неумолимым приговором — провести остаток прекрасных летних дней в шезлонге с загипсованной ногой — мысль о том, что все обошлось,

отнюдь не утешала. Видеть, как развлекаются приятели, было дополнительной, совершенно невыносимой пыткой.

Вначале друзей томило любопытство, и, делая вид, будто приходят расписаться на гипсе, они донимали Пьетро вопросами: что он почувствовал в те секунды, посетил ли потусторонний мир, встретил ли там Иисуса, Мадонну, дьявола или хотя бы каких-нибудь призраков.

Чтобы их не разочаровать, Пьетро сперва пытался отвечать уклончиво. Но потом пришлось признать, что во тьме, куда он провалился, не было ровным счетом ничего.

Таким образом, интерес к нему угас, и друзья занялись более легковесными делами, к примеру принялись наслаждаться летом, этим волшебным даром, какой Господь Бог от щедрот своих преподносит ребятишкам.

Но, судя по всему, Бог обошел вниманием бедного Пьетро: ведь что ему стоило приговорить мальчика к неподвижности в те месяцы, когда нужно ходить в школу.

Время от времени кузен Ишио отбивался от компании и снисходил до партии в карты или в «Cluedo»¹, но не по желанию, а скорее из сочувствия. Пьетро осточертели эти подачки, кроме того, нога под гипсом страшно чесалась и было унижительно просить Аделе провожать его в туалет.

Чтобы как-то скрасить сыну дни болезни, отец, который каждый день ездил во Флоренцию по работе

¹ «Cluedo» — настольная игра, по сюжету которой игроки расследуют убийство. — *Здесь и далее примеч. перев.*

и возвращался обратно, привез ему из дому игровую приставку. Но даже Супер-Марио и Луиджи, верные спутники зимних вечеров, не могли придать ему бодрости. За пару недель с Пьетро сошел весь загар и он стал таким же бледным, как в январе.

— Ну, как ты сегодня? — каждый день интересовался отец.

— Лучше, — отвечал Пьетро, сам не зная, так ли это.

Хотя отец по-прежнему был суховат, его отношение к сыну изменилось. Помимо дежурного вопроса, задаваемого каждый день, он начал как-то странно посматривать на Пьетро.

Многого в отце Пьетро не понимал. Синьор Б. всегда вел себя с сыном уклончиво. Зато рядом с другими людьми преображался. Становился веселым, дружелюбным. Особенно с детьми. Он был детским психологом, и его маленькие пациенты обращались к нему «*синьор Б.*».

Синьор Б. всегда ходил растрепанным. Зимой носил тренч, подобно комиссарам из детективных книжек, а летом — ужасные, потешные сандалии. Карманы его были битком набиты леденцами и карамельками. И с чужими он заливисто хохотал.

После инцидента, который мог стоить ему жизни, Пьетро обнаружил, что отец не только странно посматривает, но и ходит мимо него кругами. И никак не мог понять, что это с ним такое.

После того рокового понедельника, первого в июле, мальчик часто слышал, как отец бродит по коридору рядом с его комнатой. Считая про себя

Карризи Д.

К 26 Дом огней : роман / Донато Карризи ; пер. с ит. А. Миролубовой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 416 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-23044-6

Донато Карризи — известный итальянский писатель и сценарист, специалист в области криминалистики и поведенческих наук, лауреат итальянской премии *Bancarella* (2009), французской премии *Prix SNCF du polar* (2011) и других, автор бестселлеров, переведенных на 30 с лишним языков и расходящихся многомиллионными тиражами. Три свои книги — «Девушка в тумане» (2017), «Девушка в лабиринте» (2019) и «Я — бездна» (2022) — Карризи сам экранизировал. «Дом огней» — продолжение его блестящих романов «Дом голосов» и «Дом без воспоминаний».

В доме на холме живет десятилетняя девочка по имени Эва — без родителей, но с домоправительницей и финской студенткой, она же няня, Майей Сало. А еще у Эвы есть воображаемый друг, и то, что говорит и делает этот друг, вызывает тревогу. Майя обращается к Пьетро Джерберу, флорентийскому гипнотисту, который работает с травмированными детьми, — тот, правда, и сам после событий предыдущих романов не в лучшем душевном состоянии, однако помочь Эве больше некому. Джербер берется за дело — и выясняется, что Эвин воображаемый друг знает о Джербере слишком много. Этот таинственный друг знает даже обстоятельства, которые сопутствовали смерти Джербера много-много лет назад...

Впервые на русском!

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

Литературно-художественное издание

ДОНАТО КАРРИЗИ
ДОМ ОГНЕЙ

Ответственный редактор Анастасия Грызунова
Редактор Марина Козлова
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Наталья Витько, Оксана Пирызева
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 13.09.2023. Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 20 000 экз. Усл. печ. л. 25,48. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-RBD-31993-01-R